

Слыша от него это «спаси тебя», Е Чэньюй пришел в еще большую ярость.

Не раздумывая, он схватил Фан Цзюня за плечи и с силой ударил коленом прямо в пах.

Мужчина перед ним тут же судорожно вдохнул, согнулся пополам и повалился на стену позади себя. От удара со стены посыпались картины.

Е Чэньюя отбросило силой отдачи к другой стороне коридора, он тяжело дышал. Поправляя сбившийся воротник, он с яростным блеском в глазах смотрел на тяжело дышащего Фан Цзюня, грубо вытирая тыльной стороной ладони уголок рта.

Они замерли в коридоре, полном хаоса, пытаясь прийти в себя. В пространстве воцарилась мертвая тишина.

Ци На, забившаяся в угол, от страха была бледнее полотна. Она с тревогой смотрела на двух мужчин в коридоре, желая вмешаться, но боясь, что безумная потасовка еще не закончилась.

Сверля Фан Цзюня взглядом, словно лесной зверь, загнавший в угол умирающую добычу, Е Чэньюй сжал кулаки. Его голос был пропитан гневом и насмешкой:

— Спасти меня? — он издал короткий смешок, полный горечи. — Ты сказал, что спас меня?

Он провел рукой по лицу, качая головой и кривя губы в усмешке:

— Ну тогда спасибо тебе, великий детектив Фан. Ты спас меня так чертовски вовремя, что я чуть было не отправился к Господу на личную аудиенцию.

Фан Цзюнь, прислонившись к стене, хранил молчание. Его растрепанные волосы закрывали лицо, скрывая выражение глаз.

— Ну же, давай, — Е Чэньюй почти срывал с себя воротник, — расскажи мне, как именно ты меня спас.

Он облизнул пересохшие губы и язвительно добавил:

— Мне даже интересно, потянет ли это на целую книгу.

— Сяо Е, — Фан Цзюнь сглотнул и негромко позвал его.

— Не смей называть меня так фамильярно, — тут же вспыхнул Е Чэньюй.

Фан Цзюнь с трудом выпрямился, хмурясь и встречаясь взглядом с Е Чэньюем. Несмотря на то что в паху все еще пульсировала острая боль, он терпел, не издавая ни звука, и смотрел прямо на мужчину, сдерживающего ярость.

— Ты можешь меня выслушать? — Фан Цзюнь напряг челюсти, его взгляд был прямым и открытым.

— Ладно, объясняйся, — кивнул Е Чэньюй, насмешливо пожав плечами. — Я слушаю.

Ему было любопытно, какую басню тот сейчас сочинит.

Заметив в голосе собеседника сплошное презрение и скепсис, Фан Цзюнь на мгновение замолчал. Помедлив, он негромко произнес:

— Когда ты был в горящем здании, я ведь не просто так бездействовал.

— О, правда? — Е Чэньюй прищурился, сложив руки на груди, с видом человека, готового послушать очередную сказку.

— Когда ты добрался до здания Метро, ты ведь сразу спустился на первый подземный этаж, верно?

Е Чэньюй замер, его лицо на мгновение стало каменным. Он ведь никому, кроме самых близких, не рассказывал, что чудом выбрался из того здания, а уж тем более — с какого именно уровня. То, что Фан Цзюнь знал об этом, заставило Е Чэньюя посмотреть на него с новой подозрительностью.

Заметив перемену в настроении Е Чэньюя, Фан Цзюнь вытер кровь с уголка губ.

— Знаешь, почему я в курсе, где ты был? — он горько усмехнулся и отвел взгляд. — Потому что я тоже был там.

Е Чэньюй почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он застыл на месте, не сводя глаз с Фан Цзюня, и вся его насмешливость постепенно начала испаряться.

— Я был на втором подземном этаже, в комнате охраны, — Фан Цзюнь прикрыл глаза, потирая переносицу. — В качестве заложника. Твое прибытие на первый уровень было видно по камерам. Ты же знаешь, как работает эта группировка. Если бы им не нужен был какой-то козырь, связывать меня не имело бы смысла.

Е Чэньюй сглотнул, чувствуя, как его нервы начинают притупляться.

— На верхнем этаже здания Метро было еще четыреста заложников, которые ни о чем не подозревали, — Фан Цзюнь тяжело дышал, словно снова оказался в тот день. — Они поставили меня перед выбором.

Фан Цзюнь снял плащ и закатал рукав рубашки на правой руке.

— Выбрать: спасти себя или спасти тебя и тех четыреста человек.

Е Чэньюй уставился на руку Фан Цзюня, и его глаза медленно расширились. Вся правая рука была покрыта жуткими, длинными и глубокими шрамами.

Никогда раньше он не видел рук Фан Цзюня в таком состоянии. Е Чэньюй непроизвольно сжал кулаки и хмуро спросил:

— Откуда это?

Фан Цзюнь с мрачным лицом посмотрел на Е Чэньюя, чеканя каждое слово:

— Е Чэньюй, я никогда тебя не предавал. Слышишь? Никогда.

Он опустил рукав.

— Я выбрал спасение тебя и тех людей. Они привязали меня к стулу в комнате охраны на втором подземном этаже, вкололи мне в руку какой-то наркотик и приклеили скотчем детонатор к моей ладони и подлокотнику стула. Я должен был постоянно держать руку поднятой, чтобы не нажать на кнопку.

Фан Цзюнь до сих пор содрогался при воспоминании о той боли в руке, которая казалась сплошной кровавой раной.

Е Чэньюй невольно задержал дыхание, потирая затекшую шею.

— Они изолировали комнату охраны от других этажей, чтобы вы не узнали о бомбах, — Фан Цзюнь стиснул зубы, на его лбу выступил холодный пот. — Наркотики вызывали сонливость, а я был обязан держаться из последних сил.

Е Чэньюй молчал. Он вспоминал тот день: как он поднимался наверх, а затем прогремел взрыв на первом этаже и здание охватило пламя.

— Тогда я действительно думал, что жизни людей зависят от меня, поэтому изо всех сил старался не нажать на кнопку, — Фан Цзюнь тяжело вздохнул и покачал головой. — Но позже я узнал, что кнопка детонатора была фальшивкой. Они сделали это лишь для того, чтобы помучить меня. Ведь их целью было уничтожить всё здание, не оставив никого в живых.

После взрыва на первом этаже нашелся человек на парковке второго этажа. Он увидел меня через стекло комнаты охраны и спас. Мы выбрались на поверхность по лестнице, где огонь был не таким сильным. В тот момент я думал, что ты уже... — он осекся и отвел взгляд, закрыв лицо рукой.

Е Чэньюй стоял в коридоре, чувствуя, как внутри него все леденеет.

— Прости, — Фан Цзюнь прикрыл глаза. — В любом случае, я должен был вернуться на первый этаж, может, тогда я смог бы тебя спасти.

Е Чэньюй слушал эти полные раскаяния слова, и внезапно его охватило сильное чувство вины. Вернуться за ним? В то пекло? Если бы Фан Цзюнь вернулся, он бы неминуемо погиб. Е Чэньюй не был настолько эгоистичен, чтобы требовать от него такой жертвы.

Он вдруг осознал, что его духовная опора, державшаяся все эти годы, рухнула. Его решимость уйти и все эти годы «ненависти» к Фан Цзюню оказались основаны на ложных фактах. Он чувствовал себя глупцом. Крайне эгоистичным и самонадеянным глупцом.

Е Чэньюй опустил взгляд в пол, не зная, как реагировать.

Фан Цзюнь медленно выпрямился и спокойно посмотрел на него:

— Если не веришь, можешь проверить отчеты по делу. Те благодарственные выплаты, что нам прислали, я принял не от себя, а от лица нашего агентства. Я не взял себе ни гроша.

Он горько усмехнулся:

— Без тебя, мой напарник, эти деньги не имели для меня никакого смысла.

Слушая искренние слова Фан Цзюня, Е Чэньюй почувствовал, как у него подкашиваются ноги. У него кружилась голова. Он медленно опустился на пол и закрыл лицо руками, растирая кожу.

Фан Цзюнь молча смотрел на него, его взгляд был полон противоречий. Ци На в углу не знала, стоит ли уйти или остаться.

Минут десять спустя Е Чэньюй, не поднимая головы, глухо произнес:

— Это правда?

Фан Цзюнь посмотрел на него, его взгляд потускнел. Он тяжело вздохнул и закрыл глаза:

— Верить или нет — твое дело. Я никогда тебе не лгал. Ни тогда, ни сейчас.

Сказав это, он извиняющимся жестом кивнул Ци На и, не сказав больше ни слова, прошел мимо Е Чэньюя. Вскоре послышался тихий звук закрывающейся двери офиса.

Е Чэньюй так и остался сидеть на полу. Ци На, боясь пошевелиться, наконец услышала голос своего босса:

— Ци На.

— Да, Е-детектива?

— Помоги мне.

— Помочь... помочь тебе?

— Убери здесь, — Е Чэньюй устало обвел взглядом разбросанные по коридору вещи.

— Хорошо...

Вечером Е Чэньюй вернулся в свою квартиру. Проходя по коридору, он замер перед своей дверью. Он стоял там, словно провинившийся ребенок, и в нерешительности посмотрел на соседнюю дверь — дверь Фан Цзюня.

Войдя в квартиру, он бросил ключи на тумбочку и направился в ванную, плеснув на лицо холодной водой.

Он пытался привести мысли в порядок. Весь день он потратил на то, чтобы связаться с архивом, представляясь клиентом, и выяснил, что все слова Фан Цзюня были правдой. Это чувство поражения и вины грызло его сильнее, чем прошлая ненависть. Он корил себя за то, что тогда, четыре года назад, был слишком вспыльчивым и не захотел ничего слушать.

Ему хотелось бы сделать вид, что ничего не произошло, и просто поддерживать нейтральные отношения, но он понимал — на нем лежит большая ответственность. Ответственность за предвзятость, за поспешные выводы и за то, что он ранил невинного человека.

Е Чэньюй знал Фан Цзюня — по крайней мере, того, каким он был четыре года назад. Он знал, как тот ненавидит, когда его превратно понимают, и мог представить, что чувствовал Фан Цзюнь, получив тогда его полное ненависти сообщение.

Вернувшись в гостиную, Е Чэньюй рухнул на диван, уставившись в пепельницу, полную окурков.

Нужно поговорить. Хотя бы извиниться. Четыре года обвинять человека в предательстве — это было слишком.

Он ослабил галстук, чувствуя себя как на иголках. Промучившись еще полчаса, он решительно встал и направился к выходу.

Подойдя к двери Фан Цзюня, он поднял руку, но так и не смог постучать. Его нерешительность вызывала в нем лишь раздражение.

Именно в этот момент в коридоре послышались уверенные шаги. Е Чэньюй непроизвольно повернул голову и, увидев лицо Фан Цзюня, застыл на месте.

<http://bllate.org/book/19774/1948242>